

УДК 316.346.32-053.6(470+571)
ББК 60.542.15(2 Рос)
П 93

А.А. Пшишок,

аспирант кафедры социологии Кубанского государственного университета, тел:
(918) 95-777-06, эл/почта: lotus-99@mail.ru

**Молодежная культура в современной России:
функционально-видовой анализ
(Рецензирована)**

Аннотация. В статье раскрываются теоретические вопросы генезиса молодежной субкультуры. В особую группу выделены факторы формирования молодежных течений, благодаря которым происходит формирование идентичности помимо той, которая диктуется традиционными социальными институтами. Подробно рассматривается история развития молодежных групп в СССР/России как альтернативной формы социальной реальности, дается их классификация, в которой наряду с неформалами выделены так называемые «яппи» и «неояппи». Данное явление становится все более характерным для современного российского общества.

Ключевые слова: молодежная культура, социализация и адаптация человека, структура интересов молодежи, образцы для подражания, молодежная контркультура.

A.A. Pshishok,

Post-graduate student of Sociology Department of the Kuban State University, ph.:
(918) 95-777-06, e-mail: lotus-99@mail.ru

**Youth culture in modern Russia:
the functional-specific analysis**

Abstract. The paper addresses theoretical questions related to genesis of youth subculture. The author singles out a special group of formation factors of youth currents, owing to which the identity is shaped, in addition to that which is dictated by traditional social institutes. The history of development of youth groups in the USSR / Russia as an alternative form of a social reality is examined in detail. Their classification is given, in which along with nonconformists the so-called “yappi” and “neoyappi” are distinguished. This phenomenon becomes more and more characteristic of the Russian modern society.

Keywords: youth culture, socialization and adaptation of the person, structure of interests of youth, samples for imitation, a youth counterculture.

Практически все исследования молодежной культуры начинались с проблематизации конфликта с доминирующей культурой. Межпоколенческий конфликт, конфликт отцов и детей — это некая дисфункция социализации, результат слабой интеграции между обществом и возрастными группами [1]. Эта проблематика актуализировалась в науке в середине 50-х годов XX века. Традиционные, «простые» общества развиваются постепенно, замедленными темпами, опираясь в основном на опыт старших поколений, поэтому феномен молодежной культуры относится преимущественно к индустриальным обществам, отличающимся динамичностью и сложностью. Соответственно ранее культура не делилась так ярко выражено на

«взрослую» и «молодежную», но в середине XX века у «отцов» и «детей» проявились серьезные отличия в ценностных ориентациях, в моде, в способах коммуникации, и даже в образе жизни в целом [2].

В современной культуре присутствует ярко выраженный поток инноваций, которые постоянно «взламывают» и перестраивают культурную традицию, затрудняя тем самым процессы социализации и адаптации человека к постоянно меняющимся условиям и требованиям жизни. Поиски человеком самого себя, своей индивидуальности и социального статуса осложняются избытком выбора, сочетающегося с динамизмом и новизной [3]. Эта проблематичность выбора, во многом и обуславливает тот конфликт поколений, который так ярко проблематизируется в поле молодежной субкультуры.

С другой стороны, возникновение молодежной культуры можно объяснить также резким возрастанием длительности периода социализации молодежи - часто почти до 30 лет. Многие исследователи полагают, что современная молодежь характеризуется неполной психологической зрелостью при отсутствии социально-значимого участия в институтах взрослых (производство и ответственность), которым она предпочитает институты досуга и развлечений [4].

Таким образом, в современных индустриально развитых обществах молодежная субкультура представляется как фаза развития, через которую должен пройти каждый. Посредством нее юноши и девушки «упражняются» в исполнении ролей, которые в дальнейшем должны будит играть в мире взрослых. Самые доступные социальные площадки для конкретных дел молодежи — досуг, где можно проявить собственную самостоятельность: умение принимать решение и руководить, организовывать и организовываться [5].

В современных сложных и динамичных обществах семья частично или полностью утрачивает свою функцию социализации личности. Отчасти это происходит потому, что темпы изменений социальных процессов и отношений порождают историческое несоответствие опыта старшего поколения изменившимся условиям нового времени. Отчасти же потому, что *под влиянием СМИ*, с вступлением в юношеский возраст молодой человек отворачивается от семьи и ищет те социальные связи, которые должны помочь ему адаптироваться и обрести идентичность [2]. Образующиеся таким образом неформальные группы обеспечивают им определенный социальный статус. Благодаря наличию собственной культуры, эти группы маргинальны по отношению к обществу, а потому всегда содержат элементы социальной дезорганизации, потенциально тяготеют к отклоняющемуся от общепризнанных норм поведению.

В первую очередь это относится к феномену молодежной *контр-культуры*, возникшей и оформившейся в 1960-е гг. на Западе [6]. Контркультура как критика господствующей «культуры отцов» поколением 1960-х провозгласила радикальный отказ от Долга (понимаемого как «Принуждение») в пользу Удовольствия (представляющегося «Освобождением»). Как указывает Ю.Н.Давыдов, «... контркультура оказалась, в конечном счете, моделью идеологии и поведения тех слоев молодежи индустриально-развитых стран, которые оказались «выпавшими» из процесса социализации, предполагающего принятие младшим поколением социокультурных обязанностей и обязательств старшего поколения» [7]. Пережив период подъема в конце 1960-х – начале 1970-х гг., контркультура утратила свой революционный пафос и постепенно эволюционировала к более «мягким» формам, в которых и была ассимилирована (и, в значительной мере, коммерциализирована) господствующей массовой культурой в нескольких течениях, таких, как движение за права меньшинств, экологическое движение и т.п [7].

История существования и исследований молодежной культуры в нашей стране значительно короче чем на Западе. Долгое время в нашей стране единственной молодежной организацией, официально разрешенной и поддерживаемой, был комсомол. Однако уже в 1970-е годы стали складываться неформальные молодежные группы, создающие в ряде случаев свою контркультуру, в силу общей социально-политической ситуации в стране находившиеся в «андеграунде». С началом «Перестройки» в середине 1980-х гг. эти группы легализовали свою деятельность, стали достаточно активно заявлять о себе и значительно увеличили тем самым свою численность [8].

Структура этих движений была довольно пестрой [8]. Достигнув максимума примерно в 1989-1990 гг., неформальная активность российской молодежи стала спадать, что сопровождалось исчезновением многих молодежных групп, значительным уменьшением численности оставшихся. В настоящее время в молодежной среде нашей страны можно выделить несколько основных типов субкультур. При этом нужно учитывать, что анализируемый нами субкультурный опыт в социальном плане достаточно фрагментирован – большинство молодежных движений и направлений уже не отличается той массовостью, которая была заметна в 1980-х гг. Учитывая, что любые типизации носят всегда несколько искусственный характер, мы, опираясь на существующие в отечественной социологии молодежи подходы к классификации субкультур [см. 9; 8; 2; 1], предлагаем выделять следующие направления.

Во-первых, это «традиционные» неформалы - хиппи, панки, рокеры - поклонники различных стилей рок-музыки, исповедующие ту или иную разновидность философии хиппи: «секс, наркотики, рок-н-ролл», «да любви, нет войне», «назад к природе» и т.п. Эти достаточно малочисленные сегодня группы ориентированы на ценности западной контр-культуры 1960-х – 1970-х гг. в несколько адаптированном варианте. Их, по нашему мнению, можно отнести к исчезающим направлениям в молодежной культуре.

Во-вторых, это *спортивно-криминализованные молодежные сообщества*, сформировавшиеся вокруг спортивных комплексов и тренажерных залов, любительских объединений каратэ, кикбоксинга, других видов единоборства, которые в определенных случаях используются криминалом как боевые отряды при «разборках», резерв охраны и телохранителей. В своем большинстве такие объединения имеют легальный фасад спортивной организации, связь с криминалом может быть неизвестна многим участникам.

Несколько другую разновидность спортивно-криминальных групп составляют *скинхеды* и другие *экстремистские группировки право-радикального толка*. Особенно большую тревогу общества вызывают происходящие на протяжении 2000-х годов в Москве и других городах столкновения радикалов с выходцами с Кавказа. В декабре 2010 года произошло, пожалуй, наиболее крупное из подобных столкновений на Манежной площади в Москве.

Третью группу, близкую к криминальным субкультурам, но стоящую все же особняком, составляют *фанаты (фаны)* футбольных команд. Сообщества футбольных фанатов — одна из наиболее распространенных форм субкультурной молодежной активности в современной России, имеющая давнее происхождение.

Четвертая группа – это так называемые «*экологисты*». Экологически ориентированные группы немногочисленны и в значительной мере являются подражанием формам молодежной активности Запада, например, «Гринпис».

В-пятых, необходимо выделить субкультуру «*байкеров*». В России подражать западным байкерам могут преимущественно состоятельные люди. Имея особые мотоциклы (в России — недоступные по цене даже для «среднего класса») и другие

культовые знаки, российские байкеры чаще всего лишь потребители определенного культурного ассортимента [8].

В-шестых, нужно упомянуть *субкультуры «новых музыкальных стилей», прежде всего - «рейва», «хип-хопа» и других*. Они достаточно заметны среди заимствований с Запада, в основном благодаря средствам массовой информации. «Рейв» трактуется в «Словаре современного сленга» Т. Торна как «дикая вечеринка (a wild party), танцы или ситуация отчаянного поведения» [10].

Шестой тип субкультурных движений российской молодежи составляют различные направления *«романтической компенсации повседневной рутины»* [8]. Выделение этого признака – романтическая компенсация - выражает особенности общего для молодежи стремления к обновлению, приключению, испытанию себя в необычных условиях, поиску смысла жизни и т. д.

Диггеры. К такого рода субкультурным образованиям относятся диггеры — исследователи подземных коммуникаций.

Спортивные экстремалы. Это группы, практикующие различные экстремальные виды спорта. Ценностные ориентации представителей этих субкультур не выражены явно. Основная ценность, объединяющая участников этих движений, это, по-видимому, «адреналин» - потребность в испытывании острых ощущений и «проверки себя» [11].

Толкинисты и другие группы ролевых игр. Очевидна их связь с иностранным источником — образами книг Дж. Р.Р. Толкиена «Хоббит», «Властелин колец» и «Сильмарилион», сюжеты которых были положены в основу ролевых игр, породивших своеобразное общественное движение. В то же время в этом движении многое достаточно оригинально, связано с российскими экзистенциальными и мировоззренческими проблемами, с российским менталитетом.

Отчасти к «ролевицам» примыкает *готическая субкультура* («готы»), опирающаяся на реализацию романтизированных образов «готического романа» - истории о вампирах, оборотнях и т.п. Наиболее заметные субкультурные практики этой группы – это чтение «готической литературы» и прослушивание соответствующей музыки и особый стиль – *готическая эстетика* – в одежде и внешнем виде в целом (густая черная косметика, символика, черная одежда и т.д.) [12].

Несколько особняком от всех перечисленных романтических направлений стоит *субкультура Эмо*, распространенная в основном среди подростков 12-15 лет. Основу идеологии Эмо составляет бегство из «сухого, рационального и лживого» мира взрослых, где господствует «сухой» разум в мир «ярких и честных» эмоциональных переживаний [13].

Современная молодежь, однако, состоит не только из неформалов.

Восьмую категорию составляют так называемые «яппи» и «неояппи» (от англ. уипру – сокр. от yang urban professional). Это выходцы из средне- и малообеспеченных семей, отличающиеся целеустремленностью, серьезностью, прагматизмом, самостоятельностью суждений, оценок и деятельности. Они ориентированы на обеспечение материального достатка в будущем и продвижение по социальной и служебной лестнице.

Можно видеть, что большинство субкультурных практик являются отражением конфликта с доминирующей культурой. При этом конфликт поколений в современном обществе приобретает черты устойчивой дисфункции социализации, как результат культурных трансформаций и слабой интеграции между общественными группами.

Отчасти эти выводы нашли свое подтверждение в результатах эмпирических исследований ценностей и образа жизни молодежи, в которых автор принимал участие в 2006-2009 гг. Эти исследования преследовали различные цели, но часть вопросов были «сквозными».

В числе прочих подросткам задавались вопросы о ситуации в семье. В данном случае интересной является возможность сравнить ответы о ситуации в семье обычных и «трудных» подростков. Традиционно «трудные» подростки – это выходцы, как правило, из неблагополучных семей – семей с одним родителем, семей с нарушенными социальными функциями (семьи алкоголиков, осужденных и т.п.). Однако исследование 2007 г. дало несколько иную картину. Во-первых, нетипичным является то, что почти половина «трудных» подростков (48,6%) - выходцы из полных семей. При этом, у 70% не отмечается конфликтности с родителями В то же время 42% подростков – выходцы из неполных семей, которые традиционно хуже справляются со своими воспитательными функциями. Семьи же с двумя родителями заставляют приглядеться к ним внимательнее. Столь значительный процент полных семей, дети которых относятся к категории «трудных», позволяет предположить, что на сегодня семья утрачивает какие-то важные воспитательные функции. С другой стороны само наличие обоих родителей в семье еще не доказывает, что семья нормальна. Конфликтные семьи, семьи пьющих родителей – традиционные источники девиантного поведения подростков. Поэтому респондентам задавался вопрос о внутренней ситуации в семье. Вопрос был построен в виде набора позитивных и негативных описательных высказываний, продолжающих предложение «В твоей семье...». Результаты ответов о ситуации в семье представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сталкиваешься ли ты в своей семье с непониманием, враждебностью, невозможностью найти общий язык между тобой и родителями (старшими родственниками)?

Варианты ответов	2007 г. «Трудные» подростки	2008 г. Учащаяся молодежь
Нет, не сталкиваюсь, у меня хорошие отношения с родителями	40,9	52,8
Сталкиваюсь время от времени, иногда бывает трудно, но потом все налаживается	23,9	30,2
Сталкивались одно время, но сейчас все нормально, родители меня понимают	29,7	12,3
Сталкиваюсь постоянно, ситуация часто кажется мне тяжелой и сложной	5,5	4,6
Всего	100	100

Картина, как можно видеть, складывается вполне благополучная.

Другой важный показатель внутрисемейной атмосферы – уровень доверия между подростком и родителями. Отвечая на соответствующий вопрос («С кем ты обычно делишься своими проблемами и советуешься»), подростки, в целом, подтвердили уже наметившуюся тенденцию: значительный процент семей «трудных» подростков какими-либо выраженными девиантными характеристиками не обладают. Более того уровень доверительных отношений с родителями необычно высок именно в этой группе (Таблица 2.).

Видно, что учителя совершенно не воспринимаются школьниками, как «старшие товарищи», с которыми можно поделиться своими проблемами. Лучше ситуация с родителями – на достаточно доверительных отношениях с ними указывает в среднем 1/4 школьников (хотя это безусловно, мало). Как и ожидалось, на первом месте по

доверию оказались друзья, что, с одной стороны, можно отнести к особенностям возрастной психологии, с другой – это один из симптомов «разрыва поколений».

Таблица 2. С кем обычно делишься своими проблемами и советуешься

Варианты ответов	2005 г. учащиеся 9-11-х классов	2007 г. «Трудные подростки»	2008 г.	
			Учащ. молодежь	Раб. молодежь
с родителями	24,8	39,8	29,4	20,2
с братом (сестрой)	13,1	10,8	11,3	4,8
с учителями	0,3	,6	0,6	-
с друзьями	44,8	32,3	33,7	13,5
с кем угодно, по-разному	10,5	5,8	6,7	6,7
ни с кем	6,3	10,8	10,4	9,6
С женой (мужем)	-	-	0,3	24,0
Со своей девушкой (парнем)	-	-	6,1	2,9
Не хочу отвечать	-	-	1,2	18,3
Всего	100	100	100	100

Примерно каждый десятый подросток испытывает стресс одиночества – им не с кем посоветоваться или поделиться своими проблемами. Это, кстати, весьма тревожный показатель и статистически заметный. Десятая часть подростков – в зоне особого риска – вероятность суицида, употребления наркотиков, устойчивой асоциальности для них выше в разы.

Представляется, что, судя по схожести ответов «трудных» и обычных подростков о ситуации в семье, проявляет себя необычная тенденция «сбоя» воспитательной функции нормальной семьи – семьи, где есть оба родителя, где подросток находится под надзором, о нем заботятся, где нет частых ссор и конфликтов между родителями. Можно предположить, что в современных условиях семья испытывает комплекс мощных деформирующих воздействий, приводящих к тому, что внешне нормальная семья утрачивает важный воспитательный потенциал. К таким негативным факторам предположительно можно отнести: высокую занятость родителей, оставляющую мало времени на полноценное общение с ребенком; в этих условиях контроль начинает носить в основном «внешний» характер («выучил или нет уроки», «во сколько пришел домой»), отсутствует противодействие негативным информационным воздействиям («пусть лучше посмотрит телевизор или поиграет в компьютер, чем болтаться на улице»); родители утрачивают контроль за содержание интересов ребенка; основной средой вовлеченного общения становится компания сверстников, которая в отсутствии продуктивных интересов (спорт, творчество) становится мощным девиантогенным фактором.

Не менее важным является вопрос о том, способны ли родители в современных условиях предоставить юношеству желаемые образцы для подражания.

В исследовании 2006 г. вопрос о примерах и кумирах молодежи выяснялся прямолинейно. Респондентам задавался вопрос: кто является для тебя примером для подражания? Подчеркивалось, что «это может быть любой реальный человек, например, родственник или знакомый, или персонаж какого-либо фильма-книги». В ответах на этот вопрос учащиеся должны были самостоятельно вписать вариант ответа. Результаты анализа ответов представлены в виде списка:

Примеры для подражания:

- ✓ *Не ответили – 21%*
- ✓ *Их нет - 45,3%*
- ✓ *Я сам - 10%*
- ✓ *Родители - 7,7*
- ✓ *Мама – 6,3%*
- ✓ *Отец - 4,2%*
- ✓ *другое – 5,5%*

Первое, что бросается в глаза, – кризис образцов для подражания у нынешнего поколения. Абсолютное большинство ответивших указали – примеров для подражания нет. Родители хотя и занимают второе место популярности, но их авторитет в качестве примеров для подражания - пугающе низок. В ответах на этот вопрос проявилась самая тревожная тенденция из всех, выявленных в данном исследовании – острый дефицит позитивной героики и примеров. Предоставить молодежи эти образцы – важнейшая задача как семьи, так и школы, в противном случае деформации в социализации и жизненном становлении, в том числе принимающие острые контркультурные формы, наблюдаемые на фоне разрыва поколений, становятся неизбежными.

Примечания:

1. Токова Н.Ю. Молодежная субкультура: становление теоретико-методологических основ исследования: историографический аспект // Социология. 2004. № 1. С. 59-66.
2. Социология молодежи: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Социология», специальностям «Социология», «Организация работы с молодежью» / М. Ю. Попов [и др.]; под ред. В.Н. Кузнецова. М.: Гардарики, 2007.
3. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М.: АСТ, 2002.
4. Жилиев А.А. Неформальные молодежные объединения как детерминирующий фактор девиантного поведения учащейся // Инновации в образовании. 2007. № 3. С. 87-96.
5. Александров Р.Ю. Социально-философские аспекты развития молодежной субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 5. С. 77-81
6. Гертман О. Молодежная (контр) революция? // Знание-сила. 2007. № 1. С. 53-58.
7. История теоретической социологии: в 4 т. Т. 4 / отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+: Реабилитация, 2002.
8. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 79-88.
9. Громов Д.В. Изучение молодежных субкультур России: современное состояние и проблемы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 3-7.
10. Thorne T. Dictionary of Moderne Slang. N. Y., 1996. P. 421.
11. Омельченко Е.Л. От пофигистов до прагматиков : поколения молодежной солидарности постперестроечной России // Неприкосновенный запас. 2008. № 5 (61). С. 178-183.
12. Белоусова М.М., Сасс О.Н. Молодежная мифология и субкультурные формы религиозности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 3. С. 35-40.
13. Козлов В. ЭМО: документальный роман. СПб.: Амфора, 2007.

References:

1. Tokova N.Yu. Youth subculture: the formation of the theoretical and methodological foundations of research: historiographic aspect // *Sociology*. 2004. № 1. P. 59-66.
2. Youth sociology: a manual for students of higher schools, trained in the field of «Sociology», specializing in «Sociology», «The organization of work with young people» / M.Yu.Popov [etc.]; ed. V.N.Kuznetsov. M.: Gardariki, 2007.
3. Toffler E. The third wave: transl. from English. M.: AST, 2002.
4. Zhilyaev A.A. The informal youth associations as the determining factor of students' deviant behavior // *Innovations in education*. 2007. № 3. P. 87-96.
5. Aleksandrov R.Yu. The socio-philosophical aspects of youth subculture development // *The humanities and socio-economical sciences*. 2008. № 5. P. 77-81.
6. Gertman O. Youth (counter)-revolution? // *Knowledge is power*. 2007. № 1. P. 53-58.
7. The history of theoretical sociology: in 4 v. V. 4 / managing ed. and comp. Yu.N. Davydov. M.: Kanon +: Reabilitatsiya, 2002.
8. Lukov V.A. The peculiarities of youth subcultures in Russia // *Sociological researches*. 2002. № 9. P. 79-88.
9. Gromov D.V. The analysis of youth subcultures of Russia: a current state and problems // *The Ethnographic Review*. 2008. № 1. P. 3-7.
10. Thorne T. Dictionary of Modern Slang. N.Y., 1996. P. 421.
11. Omelchenko E.L. From laid-back people to pragmatists: generations of youth solidarity of post-perestroika Russia // *The reserve stock*. 2008. № 5 (61). P. 178-183.
12. Belousova M.M, Sass O.N. Youth mythology and subcultural forms of religiousness // *The humanities and socio-economical sciences*. 2007. № 3. P. 35-40.
13. Kozlov V. EMO: a documentary novel. SPb.: Amphora, 2007.